

Жизнь и творчество Федора Абрамова

«Советскую литературу нельзя представить без прозы Абрамова, без его знаменитых «Пряслиных», без повестей «Деревянные кони», «Пелагея», «Алька» и других, без многочисленных рассказов и публицистических статей. Они вошли в душу и совесть литературы, они останутся в ней навсегда, как душа и совесть нашего беспокойного, живущего надеждами времени, в котором они всё-таки были – и душа, и совесть».

В. Г. Распутин

СЛАЙД 1-2

Федор Александрович Абрамов (29.02.1920 – 14.05.1983)

Федор Александрович Абрамов родился 29 февраля 1920 года в далекой северной деревне Веркола Пинежского уезда Архангельской губернии, в крестьянской семье. Он родился в Касьянов день, и имя должны были дать – Касьян, по церковному календарю. Но мать уговорила священника дать другое имя – Федор (греч. - Дар Божий).

СЛАЙД 3-4

«Я родился в красивейшем месте России, для меня, конечно, красивейшем. <...> В краю белых ночей и бескрайних лесов, к сожалению, ныне немало поределых. В краю былин и сказок. Конечно, жизнь моя поначалу складывалась совсем не сказочно».

Федор был седьмым и последним ребенком в семье. Старшие: Михаил (1905-1961), Николай (1911-1943), Анна (умерла 10-ти лет), Мария (умерла маленькой), Василий (1914-1969), Мария (1918-1994). Отец, Александр Степанович Абрамов (1878 – 1921), умер рано. Из-за плохой обуви зимой в морозы застудил ноги, долго болел и был отправлен в больницу в Карпогоры, за 50 км от Верколы. Оттуда он уже не вернулся: умер после ампутации ноги от заражения крови. За телом отца в распутицу, по бездорожью, ездил старший из детей – Михаил.

СЛАЙД 5-6

«Когда умер отец, нас на руках у матери осталось пятеро. Причем старшему было 14 лет, а младшему второй год. Младшим был я. И вот так: товарищи твои на улице играют, детство свое «справляют», а ты вкальываешь, ты кусок хлеба насущного в поте лица своего добываешь».

Семья, лишенная главного кормильца, не погибла: мать, Степанида Павловна, урожденная Заварзина (1883 – 1947), с пятью детьми подняла хозяйство, и к тому времени, когда Федору исполнилось 10 лет, семья из бедняков выбралась в середняки: 2 лошади, 2 коровы, бык и полтора десятка овец.

Уклад и отношения внутри семьи строила трудолюбивая мать, взаимопомощь братьев и сестер, нескончаемый крестьянский труд. Степанида Павловна была человеком строгим, воспитывала детей в послушании, с ранних лет приучала к труду. Федор в шесть лет уже научился косить. Старшие братья, Михаил и Николай, отучившись в школе 3 года, пошли работать. Василий окончил неполных 7 классов, после чего тоже отправился на заработки. Сестра Мария вспоминала, что утром до школы должна была прясть, а в школу часто носила, кроме учебников и тетрадей, таз с бельем – прополоскать на переменке. Мария пошла в школу только в 12 лет. Федя начал учиться в Веркольской школе 1 ступени с

7 лет. В третьем классе ему дали премию за хорошую учебу: материи на брюки и ситцу на рубашку. По тем временам это была неплохая помощь семье.

СЛАЙД 7-9

В 1932 году Федя Абрамов окончил школу-четырёхлетку. Но в семилетку, которая только что открылась в Артемиево-Веркольском монастыре, его, первого ученика, не приняли: брали детей бедняков, красных партизан, а его сочли сыном середнячки. По словам самого писателя, «это была страшная, горькая обида ребенку, для которого ученье – все».

И был только один человек, с которым он мог поделиться своим горем – тетушка Иринья, Иринья Павловна Заварзина, «старая дева, которая всю жизнь обшивала за гроши, почти задаром, всю деревню. <...> И приход ее в каждый дом был великой радостью, потому что вместе с тетушкой Ириньей в дом входил свет, входила святость, входила доброта, само милосердие, бескорыстие». «Великая праведница. Единственная, может быть, святая, которую я в своей жизни встречал на Земле», – так говорил о ней писатель. От неё получил Абрамов первые уроки доброты, сердечности, первые нравственные уроки.

Навсегда поразил мальчика и местный святой – отрок Артемий Праведный, известный своим благочестием, кротостью, трудолюбием, погибший от молнии в двенадцать лет. На месте обретения его нетленных мощей в XVII веке был создан Веркольский монастырь.

В детстве Федор хотел во всем походить на отрока Артемия. Но жизнь складывалась иначе. Школьные годы (учеба в Веркольской начальной школе, в Кушкопальской семилетке, а затем в средней школе села Карпогоры), комсомольская юность заглушили на время детские устремления. Появились иные мечты, иные кумиры, иные идеалы. Романтика революции, героика гражданской войны и первых пятилеток властно вошли в сознание подростка.

Учился Федор прилежно и охотно, жажда знаний у него была поистине неутолимой. Его интересовало все, по всем предметам он шел успешно. В 7 классе Федор, в числе других учеников, получил премию за хорошую учебу. В 9 и 10 классе он, отличник, получал стипендию имени Пушкина, которая присуждалась лучшему ученику школы за успехи в учебе и за знание творчества поэта.

СЛАЙД 10

Рано обнаружили у Абрамова и поэтические склонности. Ещё учась в средней школе, он начал писать стихи и рассказы, но уже тогда понял, что для литературного творчества нужны огромные знания, и отложил перо писателя почти на 20 лет.

Духовным наставником и образцом для подражания в пору учебы в Карпогорах стал для Абрамова школьный учитель Алексей Федорович Калинин. Приезжий горожанин, он свыше четверти века учительствовал на Пинежье. Сам Абрамов впоследствии так вспоминал его: «Все поражало нас в этом немолодом уже человеке. Поражали феноменальные по тем <...> временам знания, <...> поражала неистощимая и в то же время спокойная, целенаправленная энергия, поражал даже самый внешний вид его, всегда подтянутого, собранного, праздничного. В стране не хватало учителей, тем более <...> у нас, в лесной глуши. И вот Алексей Федорович, для того чтобы в школе не сорвать учебный процесс, годами осваивал предмет за предметом. Он вел у нас ботанику и зоологию, и химию, и астрономию, и геологию, и географию, и даже немецкий язык. Немецкий язык он выучил самостоятельно, уже будучи стариком, <...> чтобы дать нам, первым выпускникам, хоть какое-то представление об иностранном языке. <...> Никто, ни один человек за всю жизнь не оказал на меня столь могучего нравственного воздействия».

СЛАЙД 11

Немало горьких чувств и тяжелых переживаний вызвало у юноши внезапное исчезновение Калинцева из Карпогор – в 1937 году его арестовали по доносу и осудили на 10 лет по обвинению в «контрреволюционной деятельности». Реабилитирован он был посмертно при содействии Абрамова.

СЛАЙД 12-13

В 1938 году Федор Абрамов окончил с отличием школу и осенью того же года был зачислен без экзаменов на филологический факультет Ленинградского университета.

Студенческие годы Федора Абрамова – годы напряженного умственного труда. Выходец из таежной глухомани, оказавшись в огромном городе, он остро почувствовал недостатки сельского образования, мизерность своих знаний. И со всей энергией юноша отдается учебе. Лекции, семинары, практические занятия, доклады, выступления, диспуты, обсуждения различных произведений и критических сочинений безраздельно увлекают студента Ленинградского университета.

Но важна была не только профессиональная подготовка. Здесь, в городе на Неве, он посещает музеи, театры, картинные галереи, изучает исторические достопримечательности, знакомится с памятниками культуры. Абрамов быстро обогащается художественно, расширяется его кругозор.

СЛАЙД 14

Этот процесс оборвался в июне 1941 года, когда студент-третьекурсник Федор Абрамов, как и многие другие студенты, вступает в ряды народного ополчения: уходит на фронт, досрочно сдав экзамены, «чтобы "хвостов" не было».

В сентябре 1941 года рядовой-пулеметчик 377-го артиллерийско-пулеметного батальона Абрамов был ранен в руку, после недолгого лечения он вновь отправился на фронт.

В ноябре того же года взвод получил приказ: проделать проход в проволочных заграждениях под огнем фашистов. Единственное укрытие – тела погибших товарищей. Заранее распределили, кто за кем поползет. Абрамов попал во второй десяток...

Он не дополз до заграждения нескольких метров – пулями перебило обе ноги. «Я истекал кровью, – вспоминал Абрамов, – и все-таки мне хватило крови доползти до своих». А потом он потерял сознание. В тот день от взвода в живых осталось несколько человек.

Вечером похоронная команда собирала убитых. Усталый боец, споткнувшись около Федора Абрамова, нечаянно пролил ему на лицо воду из котелка, и «мертвец» застонал. Этот случай сам писатель считал огромным везением, чудом, случившимся с ним.

СЛАЙД 15-16

Абрамова отвезли в Ленинград. В голодном блокадном городе Абрамов попал в госпиталь, который расположился в том самом университете, где еще несколько месяцев назад он учился. В ту страшную зиму в неотопляемом помещении раненые лежали в одежде, в шапках, в рукавицах, укрытые сверху двумя матрасами. Эти матрасы помогли многим из них выжить.

В опубликованном наследии писателя есть красочные свидетельства о народном подвиге на войне. Многие читаются как заметки из дневника. «Доктор Лурье... Она ходила всегда в госпитале с опухшим лицом, отливающим чугуном синевой. И мне даже трудно сказать о возрасте ее, сколько лет ей было. Но благодаря ей я остался с двумя ногами... Да она, кроме того, добилась, чтобы мне как тяжелобольному вместо пяти клецок... выписали в самые лютые дни блокады восемь катышков теста. А восемь клецок – это было очень много».

Весной 1942 года Федора Абрамова вместе с другими ранеными эвакуировали из Ленинграда по «Дороге жизни» на Большую землю.

Грузовики шли под обстрелом по слабому ладожскому льду. Машина впереди, с блокадными ребятишками, ушла под лед. Машина, что шла сзади, с ранеными, тоже осталась на дне Ладожского озера. А та, в которой ехал Федор Абрамов, добралась до Большой земли. И это он считал еще одним чудом в своей жизни.

Долечивался Абрамов уже в тыловых госпиталях Вологодской и Архангельской областей.

После лечения в госпитале в апреле 1942 года Абрамов получил отпуск по ранению и возвратился к себе на Пинежье. Три месяца Федор Александрович преподавал в Карпогорской школе, и там, в родных местах, на Пинежье, увидел то, что поразило его и запомнилось на всю оставшуюся жизнь: «...были "похоронки", были нужда страшная и работа. Тяжелая мужская работа в поле и на лугу. И делали эту работу полуголодные бабы, старики, подростки. Много <...> людского горя и страданий. Но еще больше – мужества, выносливости и русской душевной щедрости». Воспоминания об этом времени и послужили основой для его первого романа – «Братья и сестры».

В июле 1942 года Федор возвращается в армию на службу в нестроевых частях: вернуться на фронт не позволили ранения.

СЛАЙД 17-19

До февраля 1943 года он был заместителем роты в 33-м запасном стрелковом полку Архангельского военного округа. В те дни роту и весь полк поднимали по тревоге – тушить зажигалки, расчищать завалы, ловить осветителей - пособников фашистов. 1 февраля 1943 года Абрамов поступает в военно-пулеметное училище помощником командира взвода.

17 апреля 1943 года Федор Абрамов принимает присягу и зачисляется в Отдел контрразведки НКО СМЕРШ Архангельского военного округа, где начинает службу с должности помощника оперуполномоченного резерва; в августе 1943 года становится следователем, а в июне 1944 года – старшим следователем следственного отделения отдела контрразведки. Борьба с разведкой и диверсантами противника на территории Архангельского военного округа была главной задачей контрразведчиков СМЕРША. Военный опыт, университетское образование, знание психологии сделали из Федора Абрамова хорошего специалиста-контрразведчика.

Следователь Абрамов служил в НКО СМЕРШ до 22 октября 1945 года. Впечатления от работы следователем контрразведки отразились в неоконченной повести «Кто он?».

Личное дело контрразведчика Абрамова хранилось в архиве ФСБ, который находится в Омске. В 2002 году по просьбе руководства регионального управления ФСБ по Архангельской области были сделаны копии личного дела и переданы в Литературно-мемориальный музей Федора Абрамова в деревне Веркола.

За участие в Великой Отечественной войне Федор Александрович Абрамов награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

СЛАЙД 20

27 ноября 1944 года Федор Абрамов подает рапорт с просьбой разрешить ему поступить на заочное обучение в Архангельский педагогический институт и просит руководство отдела запросить документы об окончании им трех курсов филологического факультета ЛГУ.

В августе 1945 года приходит ответ ректора ЛГУ профессора А. А. Вознесенского с просьбой демобилизовать Федора Абрамова и отправить в Ленинград для завершения учебы: «Тов. Абрамов за время своего пребывания в Университете зарекомендовал себя

как способный и дельный студент, и есть все основания полагать, что из него выработается полноценный специалист-филолог, в которых так нуждается наша страна».

СЛАЙД 21-23

После демобилизации в октябре 1945 Абрамов вернулся в Ленинградский университет.

В 1948 году, получив диплом с отличием, он поступает в аспирантуру, работает над диссертацией по «Поднятой целине» Шолохова. Выбор не был случайным. Молодого исследователя интересовала жизнь деревни в советской литературе. Прежде чем осваивать её художественно, он постигал её как учёный.

СЛАЙД 24-26

Во время учебы он знакомится с Людмилой Крутиковой – своей будущей женой (впоследствии – литературным критиком, исследователем творчества Бунина), о которой в день своего шестидесятилетия скажет: «Она мой соратник. Она человек, без которого я вообще-то ничего не делаю ни в жизни, ни в литературе...». Совместную жизнь они начали в 1951 году в маленькой комнатке коммунальной квартиры. Вся обстановка – стол, два стула и пружинный матрац – была выдана в университете. Буфетом служила картонная коробка из-под печенья.

СЛАЙД 27

В том же году Федор Абрамов защищает кандидатскую диссертацию, становится старшим преподавателем, а затем и доцентом филологического факультета ЛГУ, заведует кафедрой советской литературы. И продолжает изучение творчества Шолохова, одновременно проникая в тайны мастерства великого советского писателя, чтобы потом выработать свою манеру письма.

Как литератор, Абрамов всегда стремился к бескомпромиссной правде. Он не только видел ее и понимал, но нес людям, выражал ее своим творчеством. Он прекрасно понимал опасность приукрашивания жизни в искусстве, понимал, что это ведет к потере доверия к литературе со стороны читателя. Все свое творчество Федор Абрамов подчинил тому, чтобы наша литература верно отражала лик времени, со всеми его сложностями и противоречиями. Этот физически несильный человек был бесстрашным глашатаем истины, готовым во имя убеждений вытерпеть все.

В апреле 1954 года журнал «Новый мир» печатает статью Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе», которая «взорвала» все литературное – и не только – общество: автор обрушил достаточно жесткую критику не на кого-либо, а на писателей – лауреатов Сталинской премии. Книжки, рассказывающие о деревне послевоенной поры, вместо реальной жизни, неподъемной тяжести и боли, показывали яркие лубочные картинки; вместо голода, непомерных налогов, болезней – небывалые урожаи и веселье колхозов; «кавалеров золотых звезд», шутя поднимающих немалое, разрушенное и высосанное войной, хозяйство.

Статья прогремела на всю страну, автора обвинили в антипатриотизме, критиковали в печати, на партийных собраниях, чуть не лишили работы, но спасла фронтовая биография (ограничились партийным внушением). Твардовский был смещен с поста главного редактора «Нового мира», а Абрамов был лишен возможности выступать в прессе как критик. Людмила Владимировна Крутикова-Абрамова так вспоминает об этом: «Пожалуй, не было ни одного человека в окружении Абрамова, кто бы не уговаривал его смириться, признать ошибочность статьи».

СЛАЙД 28

Абрамов вынужден был уступить – ради романа, который он писал в это время в тайне от всех, ради брата – колхозника Михаила, семье которого он помогал в то время. И, уступив, потом горько жалел об этом: «Да, напрасно я выступал, напрасно сознавался в том, в чем не виноват... Какое позорище! Проклятый роман! Это для тебя я пожертвовал честью!».

Над романом «Братья и сестры» Абрамов работал уже тогда, когда готовил к печати свою статью. Здесь его принципы нашли художественное воплощение. Роман был опубликован через четыре года в журнале «Нева» (1958, № 9) и стал первой частью будущей тетралогии о людях северного села Пекашино.

Замысел романа возник у Абрамова летом 1942 года, когда он приехал в Верколу в отпуск по ранению и стал свидетелем самоотверженного труда женщин и подростков в колхозе и на лесозаготовках. Писался роман шесть лет, в великой тайне от всех, выкраивались для него по несколько часов после лекций, работы на кафедре, в долгожданные выходные... «Я – человек по-деревенски застенчивый. <...> Придумал даже себе псевдоним – Федор Верколов. Но потом от псевдонима отказался». О романе знали только самые близкие люди – супруга Людмила Владимировна Крутикова и друг – художник Федор Федорович Мельников, с которым Абрамова свела судьба в университете и не разлучала вплоть до кончины писателя.

В 1957 году Федор Абрамов сдал рукопись романа в редакцию журнала «Октябрь», но его не опубликовали. В 1958 году роман нашел пристанище в «Неве», где и увидел свет под названием «Братья и сестры».

Роман стал неожиданностью: автор – критик, доцент, заведующий кафедрой советской литературы ЛГУ. Абрамов изобразил в романе трудовой подвиг жителей родной северной деревни, рассказал о «бабьей войне» в тылу, о втором фронте. То «сражение за хлеб, за жизнь», которое вели полуголодные бабы, старики, ребятишки затмили все военные впечатления Абрамова – бои, ранения, блокаду.

Роман был встречен доброжелательно. Только за два последующих года появилось более 30 рецензий в газетах и журналах. Все отмечали необычность в изображении войны, правдивость и мужество писателя в повествовании о народной трагедии. В Пекашино земляки узнали свою Верколу, а в героях романа – самих себя.

В 1959 году «Братья и сестры» вышли отдельной книгой в Лениздате, в 1960 году роман был напечатан в «Роман-газете», а в 1961 году – издан в переводе в Чехословакии. Но Абрамов чувствовал, что роман требует продолжения.

СЛАЙД 29

Но до этого в журнале «Нева» (1963, № 1) появляется повесть Абрамова «Вокруг да около», где писатель рассказал о беззакониях в деревне, когда колхозники работали за «пустопорожний трудовой день». К этому времени Федор Александрович уже оставил работу в университете (с 1960 года) и полностью посвятил себя писательскому делу. Повесть из боязни цензуры была размещена в разделе «Публицистика и очерки», однако хитрость редакции не помогла: вслед за положительными рецензиями в «Литературной газете» последовали разгромные статьи. Повесть была названа «идейно порочной», редактор «Невы» С. А. Воронин отстранен от должности.

Выстоять, найти силы для дальнейшей работы помогла уверенность в правоте, в том, что жизнь страны и деревни нуждается в коренных изменениях, а главное – повышенное чувство долга перед военным и предвоенным поколением, работавшим и воевавшим на совесть, а живущим впроголодь, перед погибшими на войне друзьями. Помогали книги рядом идущих товарищей (В. Овечкин, А. Твардовский, А. Яшин, В. Шукшин, В. Солоухин, В. Белов...).

СЛАЙД 30

Критика не согнула Федора Абрамова. Но открытое письмо жителей Верколы «К чему зовешь нас, земляк?», напечатанное в районной газете «Пинежская правда», а затем перепечатанное в «Правде Севера» (11 июня 1963 года) и «Известиях», отозвалось болью: Абрамов, всегда сверявший свои произведения с жизнью земляков, дорожил их мнением. И хотя он понимал, что писали не они, да и подписывать, скорее всего, их заставили, но легче от этого не было.

Кроме того, в Карпогорах – районном центре – была проведена читательская конференция, на которой вместе с повестью Абрамова обсуждалась книга журналиста В. Е. Страхова «На лесной реке». Критическая статья редактора «Пинежской правды» В. Земцовского была опубликована в газете «Правда Севера» 20 октября 1963 года. Повесть Абрамова осудили, как «глумящуюся над действительностью».

Вместе с тем книга принесла Абрамову мировую известность. Она была переведена в Англии под названием «Хитрецы», затем издана во многих странах. Ее ставили в один ряд с повестью А. Солженицына «Один день из жизни Ивана Денисовича».

СЛАЙД 31-32

Продолжение – «Две зимы и три лета» – увидело свет через десять лет, в 1968 году, в журнале «Новый мир», редактором которого вновь был Твардовский.

А на родине Абрамова не печатали пять лет. Но сломить писателя не удалось. В эти годы он работал над вторым романом тетралогии – «Две зимы и три лета».

Роман писатель отдал в ленинградский журнал «Звезда»; после долгого ожидания получил ответ: редколлегия сообщала, что «в нынешнем виде она не может напечатать роман». Тогда рукопись была отправлена в «Новый мир».

Появление романа «Две зимы и три лета» в «Новом мире» (1968, №№ 1-3) вызвало шквал благодарных и восторженных читательских откликов.

Действие романа происходит в послевоенные годы (1947 – 1948), но по-прежнему – голод, займы, налоги, лесозаготовки, труд на земле за «пустопорожний трудовень». День Победы, подписка на заем и свадьба Лизы – центральные главы романа, где опять сливаются воедино радость и горе, смех, песни и слезы. Исчезает былое единодушие сельчан, исчезает трудовой энтузиазм; каждый пытается выжить на особицу, приспособиться к новым горьким условиям.

Роман насыщен социальными проблемами, трудными вопросами, критикой «волевого» руководства сверху, когда не считались с людьми, любой ценой требовали выполнения плана. Плачущий фронтовик Илья Нетесов, который не может помочь больной дочери, – укор тому времени. Михаил Пряслин не раз задает вопросы: Что делать? Как жить дальше? Куда податься? Неужели и дальше так будет? Неужели нельзя иначе?

Критика не была единодушна в отношении романа. Несмотря на это и на отказ «Роман-газеты» печатать роман (сослались на то, что нет единого мнения о его значении и художественной ценности), «Новый мир» выдвинул «Две зимы и три лета» на соискание Государственной премии СССР.

СЛАЙД 33-35

В эти годы параллельно с третьим романом, получившим окончательное название «Пути-перепутья», Абрамов пишет и другие произведения: в 1969 году увидела свет повесть «Пелагея», в 1970 – «Деревянные кони», в 1972 – «Алька». Эти повести – как практически все произведения Абрамова – ждала нелегкая судьба.

Повесть «Пелагея» выросла из рассказа «На задворках». Первоначально рассказ должны были напечатать в 1966 году в «Звезде» под названием «В Петров день», но его сняли из уже сверстанного номера. В «Новом мире» рассказ не приняли. Рукопись легла в

стол – автор возвращался к ней время от времени, делая заметки, раздумывая над характерами героев, постепенно расширяя и переосмысливая рассказ.

В августе 1968 года Абрамов отправляет повесть в «Новый мир». После обсуждения в редколлегии журнала Александр Твардовский, мнением которого Федор Александрович дорожил, советует убрать две последние главы, о событиях после смерти Пелагеи – те, что потом послужили основой для «Альки».

В апреле 1969 года, после совместной работы автора с редактором «Нового мира», повесть, наконец, была принята.

Перед публикацией Твардовский предупредил Абрамова: «Роман "Две зимы и три лета" выдвинут на Государственную премию. Если напечатаем "Пелагею", премии Вам не видать... Вот и выбирайте – премия или литература». У Абрамова сомнений не было: «Я за литературу».

«Пелагею» напечатали в 1969 году, в шестом номере «Нового мира». Восторженные отклики читателей и критики, вдохновляющее и радующее обсуждение повести в ленинградском Доме писателей и в Институте культуры. Однако после того, как Абрамов пишет письмо в защиту А. И. Солженицына, которого исключили из Союза писателей (против исключения выступили всего 25 человек из 7-8 тысяч), «по указанию сверху» в «Ленинградской правде» (1970, 10 января) была напечатана статья А. Русаковой «Итог одной жизни», оценивающая повесть достаточно негативно. Но уже 28 января в редакцию газеты было направлено письмо ленинградских писателей, опровергающее выводы рецензии А. Русаковой.

Премии Федор Абрамов, как и предсказывал Твардовский, не получил.

Над «Алькой» писатель работал еще несколько лет. В 1972 году повесть была напечатана в первом номере журнала «Наш современник», правда, с серьезными редакционными сокращениями. Авторский текст был восстановлен в последующих изданиях.

СЛАЙД 36-38

В 1973 году появляется третий роман – «Пути-перепутья» («Новый мир», №№ 1-2).

Критики отнеслись к новому роману Абрамова по-разному. Но, что более важно, в редакцию журнала на имя Абрамова приходили многочисленные читательские письма, взволнованные и благодарные...

«Пути-перепутья» – самый социально острый и публицистически страстный роман писателя. Почему царят нищета и бесхозяйственность? Почему крестьянин, кормящий страну, сам остается без хлеба и молока? Кто подлинный хозяин в стране? Народ и власть; экономика, политика, человек; совесть, долг, самосознание и фанатизм, демагогия, приспособленчество, цинизм; трагедия народа, страны, личности – вот круг жгучих проблем, поставленных в романе, над решением которых мы бьемся и сегодня.

События в романе разворачиваются в начале 50-х годов, во время дальнейшего разъединения и даже ожесточения людей, все ещё полуголодных и охваченных страхом. Пытался найти выход Лукашин, выдал строителям коровника по 15 кг ржи – и был арестован.

Сцены сбора подписей Михаилом в защиту арестованного Лукашина и собрание районного актива, где снимают с должности главу района Подрезова – центральные в романе.

СЛАЙД 39

В 1975 году за трилогию «Пряслины» Федор Александрович Абрамов был удостоен Государственной премии СССР. Трилогию – а впоследствии и другие повести и рассказы Абрамова – переводили и издавали в разных странах мира. На сегодняшний день произведения писателя можно прочесть на многих языках.

СЛАЙД 40-42

Роман «Дом» - последняя книга из цикла о Пряслиных - был задуман автором давно, практически сразу же по окончании работы над «Братьями и сестрами». В архивах писателя сохранилось немало заметок к нему, сделанных в процессе работы над первыми тремя книгами.

«Дом» – венец тетралогии, произведение, заставляющее задуматься не только над социальными, но и над философско-нравственными проблемами, над основами бытия, мироздания. Эта книга по праву считается лучшим романом Федора Абрамова.

События в романе происходят в 1972 году, через двадцать лет после ареста Лукашина. Отстроилось, обновилось Пекашино, техника пришла на поля, лучше, зажиточнее стали жить люди, и Михаил появляется как довольный хозяин в своем новом доме. Но стали ли лучше сами пекашинцы при материальном достатке? Даже в семье Пряслиных распалось бывшее братство: Михаил отрекся от Лизы, Татьяна живет в столице и редко вспоминает родных, Федор кочует по трудовым колониям и тюрьмам, Петр не покидает больного Григория, но связан с ним не сердцем, а оковами долга. И только Лиза верна прежним устоям, она остается хранительницей пряслинской совести, родного очага. Но и она не в силах уберечь от гибели завещанный ей ставровский дом.

Судьбы ставровского дома, Михаила и Лизы – центральные в книге. А рядом – десятки других домов и судеб. В домах по-разному живут, дома строят и разрушают, о них спорят. Разнолики дома, разноголосы люди. Дела и поступки персонажей выверяются именно домом – большим и малым, духовным и материальным, который мы создаем на земле и в душах наших.

СЛАЙД 43-45

Народ и Россия – на распутье и в выборе жилья, и в уровне достатка, и в выборе жизненных ценностей, духовных ориентиров – идей и идеалов. Ни в одном другом романе Абрамова не было такого философского накала, столько рвущихся к истине героев, которые спорят о домах, о душах, о смысле жизни. Не фабульно-событийный сюжет организует повествование, а боль и думы автора о России, народе, человеке.

Русский народ... Русский характер... Русская женщина – сквозные темы русской литературы. Они главенствуют и в романе «Дом», где представлены разнообразные характеры от романтика-революционера Калины Дунаева до жизнелюбивого эгоистичного Егорши.

Работа над «Домом» длилась пять лет, с 1973 по 1978 год. В 1977 году роман, казалось, был завершен, но после перепечатки рукописи у машинистки Абрамов решает его переработать – «перепахать» заново. В марте 1978 года роман был передан в редакцию «Нового мира».

«Дом» был признан ошеломляюще смелым, и, конечно же, подвергся серьезной цензуре. После редакторской правки Федор Александрович внес в текст дополнительные исправления, но окончательный вариант романа вышел в № 12 «Нового мира» за 1978 год с новыми поправками и изъятиями, не согласованными с автором.

В декабре 1979 года ленинградское отделение издательства «Советский писатель» выпустило роман отдельной книгой, а в 1980 году «Дом» был опубликован в «Роман-газете».

Последний роман тетралогии был практически сразу же переведен на многие языки мира, по книге ставились – и идут сейчас – спектакли в театрах России.

В августе 1977 года в Верколу приехали студенты Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии со своим руководителем Львом Абрамовичем Додиным. Они собирались ставить дипломный спектакль по «Братьям и сестрам» Абрамова. Федор Александрович был против: вещь серьезная, многогранная, объемная, удастся ли молодым ребятам понять и показать всю глубину характеров, всю боль, получится ли без потерь вместить роман в рамки пьесы?

Студенты решили доказать: «сможем». Приехали в Верколу без разрешения Абрамова, чтобы ближе узнать людей, с которых писался роман, быт и нравы пинежской деревни, увидеть и почувствовать красоту северной природы. Ребята пробовали себя в сельскохозяйственных работах, знакомились с местными жителями, и скептическое настроение Федора Абрамова довольно скоро сменилось радостью от общения с ними: «...Удивительно! 23 студента, и все 23 – сама чистота, сама непосредственность. Такого мне еще не встречалось... ..Благодарение Богу, что на моем пути попались эти студенты».

Поездка для начинающих артистов оказалась плодотворной: спектакль, поставленный весной 1978 года, стал лучшим в театральном сезоне Ленинграда.

СЛАЙД 46-47

В 1980 году Федор Абрамов отметил свое шестидесятилетие: торжества в Ленинграде, награждение орденом Ленина, встречи с читателями, поздравления, отклики... В эти дни писатель получил 350 телеграмм и более 200 писем – от организаций, журналов, друзей, собратьев по перу, читателей.

По воспоминаниям Людмилы Владимировны Крутиковой-Абрамовой, этот день рождения «был одним из счастливейших дней в жизни Федора Абрамова. Очень скромный, ранимый, часто сомневающийся в своем писательском даровании, он не любил дни рождения, когда надо было подводить итоги <...>. Так ли жил? Все ли сделал? Настоящий ли я писатель? – эти вопросы постоянно мучили его. И вот в день своего шестидесятилетия он наконец с радостью убедился: я писатель, меня знают и любят».

Однако были и огорчения: со всего Пинежья на юбилей приехали только два человека, да и архангельская пресса не откликнулась на событие даже короткой заметкой...

...В журналах по-прежнему появляются рассказы и повести Абрамова. Одни из них были написаны раньше, над другими писатель работал в течение нескольких лет (к примеру, под циклом «Трава-мурава» указаны даты: 1955-1982 гг.), есть и новые (повесть «Мамониha», 1980 г.).

СЛАЙД 48-50

В 1982 году в журнале «Новый мир» (№ 5) печатается цикл «Куст рукотворный» и несколько рассказов, в том числе «Франтик», который ранее не пропускала цензура. Это были последние рассказы, опубликованные при жизни писателя.

Заслуга Абрамова в том, что он широко ввел в литературу людей неприметного, непоказного, «будничного» героизма, который, по его словам, «ещё мало понят и оценен нами». «Сосновые дети», «Михей и Иринья», «Золотые руки», «Самая счастливая», «Слон голубоглазый», «Куст нерукотворный», «Жарким летом» – это всё сказания о неприметных, обычных людях, которые живут без шума и горделивой позы, каждодневно умножая на земле добро, красоту, справедливость.

Рассказывая о творческом наследии Федора Абрамова, нельзя забывать о немалой и не менее значительной, чем художественная литература, его части: это дневниковые записи и публицистика.

Дневники, заметки, наброски к произведениям ценны не только тем, что дают возможность заглянуть в творческую мастерскую писателя, – в этих записях отразились боль души, духовный рост самого человека. В них собраны заповеди, заветы, мысли и предостережения, которые Федор Абрамов вложил в свои произведения. В набросках, дневниках содержатся и те размышления, которые в то время высказать открыто было невозможно.

К таким записям относятся и путевые дневники Федора Абрамова.

Путешествовал Абрамов немало: был на Соловецких островах, на Алтае, на Печоре – в местах, где проповедовал и был сожжен протопоп Аввакум; на Новгородчине – результатом этой поездки стали три очерка, написанные в соавторстве с Антонином Чистя-

ковым, уроженцем тех мест; посетил Армению; много ездил по родному Пинежью. По туристическим путевкам, по приглашениям различных организаций и издательств был и в других странах. Дневниковые записи, впечатления от этих поездок и наброски рассказов можно прочесть в шестом томе собрания сочинений (Абрамов Ф. А. Собрание сочинений. В 6 т. Т.6. СПб., 1995) и в книге «Неужели по этому пути идти всему человечеству?» (СПб., 2000). Это не заметки туриста, а замечания, мучительные раздумья человека, пытающегося понять, какие события, устремления в прошлом привели к настоящему, и увидеть, как может сложиться будущее. В судьбе любой страны, в ее культуре, устройстве быта Абрамов видел тесную связь со всем, что происходило и происходит в России.

Боль и тревога за судьбу всего человечества пронизывают эти размышления. Написанные несколько десятилетий назад, они и сегодня не теряют своей актуальности.

Во Франции Федор Абрамов был трижды: в 1968 году, 1975 и весной 1976 года. Последняя поездка – по приглашению Министерства культуры Франции и издательства «Альбен Мишель» – оказалась самой плодотворной: Абрамов на машине с личным гидом объехал почти весь юг Франции.

Записи о Франции переполнены полярными впечатлениями и эмоциями: тоска и боль в размышлениях о судьбе русских эмигрантов, восторг – в заметках о встречах с произведениями искусства и интересными людьми. Абрамов пишет, что во время этой поездки он «узнал Францию».

Поездка в Германию с 6 по 21 мая 1977 года состоялась после мучительных размышлений: Абрамов-фронтовик не мог относиться непредвзято к немцам, и особенно тяготило его то, что поездка должна состояться в то время, когда весь Советский Союз будет праздновать День Победы – победы над фашистской Германией.

Однако о принятом решении жалеть не пришлось: читательские конференции с восторженными откликами (оказалось, немцам по душе пришлись абрамовские герои) и пытливыми вопросами, музеи, города – разные до контраста: поразившие писателя Веймар, где жили и творили Гете и Шиллер, и рядом, в пяти километрах, неутраченная боль Бухенвальда. И – размышления, размышления: о судьбе человека и человечества, об истоках добра и зла, о силе и призвании искусства...

Записи о Финляндии (здесь Абрамов был четырежды – в 1969, 1975, 1977 и 1982 годах) наполнены добрым отношением, восхищением страной и ее людьми.

А вот впечатления от поездки в США (1977 год) – тяжелые. Отмечая американскую деловитость, рационализм, умение организовывать быт и производство, писатель ужасался необразованностью, равнодушием и узостью интересов большинства американцев: «Бездуховность. Нет любви. В лучшем случае это любовь собственника. <...> Америка задала тон предельной рационализации всему миру. Неужели у людей нет другого пути?» И – выводы, которые так актуальны в наши дни: «Деловой человек, которого мы жаждем сегодня, – это не радость. Он непременно вырождается в дельца».

Абрамов не дождался окончания официальной программы пребывания в этой стране – улетел на несколько дней раньше.

По воспоминаниям современников, Абрамов блестяще выступал. Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил о нем: «Он был и поразительным оратором, оратором-публицистом, слушать которого было почти потрясением». Александр Михайлов, критик и друг писателя, вспоминал его выступления на съездах писателей: «Когда он говорил с трибуны <...> в Большом Кремлевском дворце, меня не покидало ощущение огромной значимости происходящего. Это был страстный проповедник, народный трибун, рожденный для того, чтобы словом обжигать людей, вести за собой массы».

И удивительно, что при этом «Абрамов не часто выступал, нередко отказывался даже от коротких выступлений, – вспоминает Людмила Владимировна Крутикова-Абрамова. – Мало кто знал, как нелегко давались ему беседы и выступления. Некоторые из них вынашивались годами, бессонными ночами. Произносимым словом он так же дожил, как и литературным, печатным. Он десятки записей делал, прежде чем выступить».

СЛАЙД 51

В 1979 году 18 августа в «Пинежской правде» было опубликовано открытое письмо Федора Абрамова к землякам «Чем живем-кормимся?». Письмо родилось после долгих мучительных раздумий: безразличие к общественному хозяйству, халатность – даже в родных краях, где добросовестный труд ранее считался нормой и основой жизни – не могли оставить Абрамова равнодушным. «Толкнула» написать письмо землякам «жена, неисправимая идеалистка, которая <...> верит, что словом <...> можно многое изменить в этой жизни». Обсудил идею письма с Поздеевым Михаилом Григорьевичем, тогда секретарем райкома, человеком опытным и уважаемым. И – взялся за перо.

В письме не просто критика – доверительный, открытый разговор с земляками: вспоминая их заслуги и признавая достоинства, Абрамов указывает на бардак, вопиющую бесхозяйственность в селе, ставит острые вопросы. Соглашаясь с тем, что есть недостатки в руководстве, он, однако, не снимает ответственности с самих земляков, заставляет вспомнить, что в селе каждый должен быть хозяином.

Ответной реакции ждал с волнением (в это время он жил в Верколе). И вот она: «Спасибо, Федор Александрович, и ране знали, что ты писатель, а что такой настоящий, поняли только сегодня». Правда, радость была недолгой: письмо должного обсуждения не получило.

Письмо перепечатали в «Правде», с сокращениями и изменениями текста без ведома автора. Но и в таком виде оно вызвало широкий резонанс: затронутые в нем проблемы были не только веркольскими, пинежскими – острые вопросы оказались актуальными в масштабах всей страны. Читательские отклики на письмо шли отовсюду...

Не будем подробно останавливаться на всех статьях и выступлениях Федора Абрамова, ограничимся лишь перечислением наиболее значимых вещей, относящихся к публицистике. Это очерки, написанные в соавторстве с поэтом Антонином Чистяковым: «Пашня живая и мертвая» (1978), «От этих весей Русь пошла» (1979 - 1980) и «На nive духовной» (1981) – результат совместных поездок по новгородской земле; выступление Федора Абрамова в день своего шестидесятилетия «Работа – самое большое счастье» (1980); статья «В краю родникового слова» (1982), написанная к 400-летию Архангельска и опубликованная впервые в «Советской России» 1 февраля 1983 года.

Говоря о многом, рассматривая разные стороны жизни, Абрамов говорит, по сути, об одном и том же, о самом главном: о том, что «социальные, экономические, экологические проблемы неотрывны от духовных, что нельзя возродить Россию, <...> не улучшая самого человека», «нельзя заново возделывать русское поле, не мобилизуя всех духовных ресурсов народа, нации».

СЛАЙД 52

Творчество Федора Абрамова известно не только российскому, но и зарубежному читателю. Его книги издавались на многих языках. «Пути-перепутья» – на финском, польском, латышском, японском; повести «Пелагея», «Алька», «Деревянные кони» – на норвежском и чешском языках. Выходили произведения Абрамова в США, ФРГ, Англии, Франции, Нидерландах, Сербии и других странах.

СЛАЙД 53-55

Лучшие прозаические произведения Абрамова были переведены на язык сцены. Так, в 1971 г. театр им. Ленинского комсомола в Ленинграде поставил спектакль по роману «Две зимы и три лета». В последующие годы к инсценировке романов Абрамова обратились Московский театр драмы им. Гоголя, драмтеатр на Малой Бронной, Ленинградский малый драматический театр, театр им. Комиссаржевской, а также русские драматические театры во Фрунзе, Алма-Ате и других городах страны. В 1974 году режиссер Юрий Любимов в Московском театре драмы и комедии на Таганке ставит по повестям «Пелагея»,

«Алька» и «Деревянные кони» спектакль «Деревянные кони», ставший знаменитым. По повестям Абрамова осуществлены постановки также в театрах Саратова, Новгорода, Нальчика, Архангельска и других городов.

Архангельский театр драмы особенно настойчиво и много работал над инсценировкой произведений своего земляка. Так, в 1974 году режиссер Б. Второв поставил спектакль «Пелагея и Алка». А в период с 1978 по 1982 гг. главный режиссер театра Э. Симонян ставит спектакли «Две зимы и три лета», «Пути-перепутья», «Дом».

Более полутора лет работал Э. Симонян над спектаклем «Две зимы и три лета». Творческий коллектив посетил родную деревню писателя, познакомился с прообразами его героев. Это помогло театру найти правильный ключ к пониманию романа Абрамова, создать в спектакле высокий эмоциональный настрой.

Абрамов присутствовал на общественном просмотре спектакля, в беседе с труппой он сказал: «Вы сделали очень большое дело, доброе и прекрасное. Спасибо вам. Самое отвратительное на сцене – игра в жизнь. У вас – сама жизнь».

СЛАЙД 56-57

Последние годы Федора Александровича Абрамова были посвящены работе над «Чистой книгой» – произведением, которое должно было стать лучшим из всего, когда-либо созданного писателем.

«Чистая книга» – первый роман из задуманного цикла, посвященного раздумьям о судьбе России, поискам ответа на вопрос, почему ее постигла такая судьба. И в то же время он должен был показать страну в разное время: людей, их быт, характеры, нравы, обычаи, – показать живую, самобытную Русь, Русский Север, со всеми его сложностями, радостями, проблемами.

Роман был задуман еще в 1958 году как книга о гражданской войне на Пинежье, а 14 ноября 1964 года в дневнике Абрамова появилась запись о целой серии книг. В 1978 году писатель снова возвращается к мысли о трилогии: «Первая книга – Россия перед революцией, вторая книга – Россия в гражданской войне, третья – 37-й год. Резня. Контрреволюция. Самодержавие в пролетарских одеждах».

Материалы Абрамов собирает 25 лет: архивы, газетные статьи, письма, разговоры со старожилами. Летом 1960 года он повторил часть пути красноармейского отряда Щенникова и Кулакова: как те в 1918 году, проплыл на плотике с Усть-Вьи до Верколы, впитывая опыт предшественников, пытаюсь понять их впечатления и настроения, собирая ценнейшую информацию. Надо заметить, это путешествие вовсе не было легкой прогулкой: большая часть пути – места нежилые, да и погодой Север не баловал: «Русло не разработанное. <...> Ветер навстречу свищет. Пронизывает до костей. <...> Мерзнут руки. Вода леденеет на шесту. <...> И дико кругом. Ни одного селения».

1981 год. Весной Федор Александрович работает в Архангельском архиве, изучая материалы, связанные с жизнью района в дореволюционные годы. А летом по приглашению критика Александра Михайлова едет на Печору – в места, где писал, проповедовал, а затем был сожжен протопоп Аввакум.

Вместе со своим другом, веркольским художником-самоучкой Дмитрием Михайловичем Клоповым, путешествовал по местам, связанным с именем великой сказительницы, пинежанки Марии Дмитриевны Кривополеновой. «Махонька», как ее ласково называли за маленький росточек и легкий, незлобивый характер, должна была стать одной из главных героинь «Чистой книги».

В это же лето 1981 года Федор Абрамов наметил свои творческие планы на ближайшие годы.

Замыслам писателя не суждено было сбыться: Федор Александрович успел написать набело лишь 18 глав первой книги. Но остались в писательском архиве тысячи заметок, набросков, развернутых сцен и размышлений, которые дают представление о масштабе задуманной трилогии. По инициативе Людмилы Владимировны Крутиковой к 80-летию

Абрамова наиболее полный текст «Чистой книги» был опубликован в журнале «Нева» (1998, № 11).

СЛАЙД 58-64

...О болезни Федора Абрамова знали только близкие: в сентябре 1982 года он перенес операцию; в апреле врачи объявили: требуется еще одна. 14 мая 1983 года эта операция, по словам врачей, прошла успешно. В этот же день в послеоперационной палате Федор Абрамов скончался от сердечной недостаточности.

19 мая писателя похоронили в Верколе, на его любимом угоре, рядом с домом, построенным его собственными руками. Автором надмогильного памятника писателю стал его хороший друг, художник Федор Федорович Мельников.

На похоронах огромное количество народу замерло, услышав над Пинегой курлыканье журавлей. Разглядывая, как птицы, словно прощаясь с Федором Александровичем, сделали круг над полями, люди переговаривались: «Журавли провожают только праведников...».

Земная жизнь Федора Александровича Абрамова закончилась, но память о писателе не угасла. Голос его звучит и сегодня в переиздаваемых книгах и статьях.

СЛАЙД 65

Во всех делах и начинаниях Федора Александровича незаменимым помощником ему была супруга – Людмила Владимировна Крутикова. Перед роковой операцией 10 мая 1983 года Федор Александрович просил её: «Если случится катастрофа – живи за двоих и заверши мои писательские дела». Вдова писателя исполнила завет мужа.

СЛАЙД 66-72

В 2003 году вышел в свет сборник статей Л. В. Крутиковой «Жива Россия. Федор Абрамов: его книги, прозрения и предостережения». Благодаря усилиям Людмилы Владимировны было выпущено шеститомное собрание сочинений Федора Абрамова. Стоит отметить особо значимые издания произведений писателя и книги о нем за последние годы: «Воспоминания о Федоре Абрамове» (2000), «Слово Федора Абрамова» (2001), «Дом : повести, рассказы» (2003), «Светлые люди» (2007), «Летопись жизни и творчества Федора Абрамова, 1920 – 1983» и другие.

СЛАЙД 73-80

Память о писателе бережно сохраняется на его родине. В Верколе открыт и успешно работает литературно-мемориальный музей Ф. А. Абрамова, сотрудники которого проводят Абрамовские чтения, ведут большую научно-просветительскую работу по творчеству писателя. Раз в два года проходит в Архангельске театральная фестиваль им. Ф. Абрамова «Родниковое слово». Именем Абрамова названы улицы в Архангельске, Верколе, Карпогорах, Санкт-Петербурге. Имя писателя носят Центральная районная библиотека в Карпогорах и библиотека Невского района Санкт-Петербурга, архангельская школа № 52.

СЛАЙД 81-82

Федору Абрамову посвящены страницы на сайте «Литературная карта Архангельской области» Архангельской областной научной библиотеки имени Н. А. Добролюбова, землячкой писателя И. Асеевой создан сайт, посвященный Абрамову (<http://fabramov.ru/>).

СЛАЙД 83

Правдой будить человека в человеке учил Федор Абрамов. На века осталось с нами абрамовское слово, негодующее и врачующее, радующее и окрыляющее.